

дохода. Подобная роль социальной работы позволяет избежать острых социальных конфликтов и снизить социальное напряжение. Для нашего государства, поражённого многими социальными болезнями, социальная работа должна стать одним из основных рычагов урегулирования напряжённой общественной ситуации. Именно поэтому государству необходимо признать её значимость и постараться вывести на достойный уровень в кратчайшие сроки, чтобы предотвратить возможные потрясения.

Гилязова О.С.,
г. Екатеринбург

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ И МНОГОДЕТНОСТИ

Сравнительно-исторические данные демонстрируют, что отношение к ценности жизни детей, а также собственно к самому ребенку как особой личности, ценной своей уникальностью, а не только своим потенциалом как будущего взрослого — это результат длительного и весьма противоречивого развития не только семьи, но и общества в целом.

Современная демографическая ситуация в России определяет и делает вполне обоснованным тот «детоцентризм» (включающий в себе внимание не только к интересам ребенка, но и акцент на ценности деторождения, материнства, многодетности), который муссируется государственными СМИ. Наиболее отчетлива эта риторика прозвучала в президентство Медведева, который демонстративно подчеркивал значимость именно многодетных семей, указывая на исторические корни многодетности в российских семьях дореволюционного времени, когда привычным было иметь по десятку детей как среди крестьянства, так и дворянства. И действительно, сословная принадлежность в данном случае мало влияла на количество детей. Бурный

прирост населения начала XX века давал основания полагать П.А. Столыпину, что в XX веке население Российской Империи увеличится до 1,5 миллиарда. Над такими прогнозами можно сейчас смеяться, но делал их не только царский министр как заинтересованное лицо, но М. Вебер, профессиональный социолог. Недаром, император Николай II на праздновании 300-летия дома Романовых поражался и восхищался количеством юных подданных, приходивших приветствовать его.

Однако, для конкретных дворянских и крестьянских семей так ли полезна была (особенно в отдаленной перспективе) подобная многодетность, пусть и отчасти нивелируемая существенной детской и младенческой смертностью? Одной, пусть и не единственной причиной постепенного материального оскудения российских дворянских состояний считается именно их дробление на все более разветвляющийся род. Английская система майората так и не привилась, за небольшим исключением (например, Строгоновы, Шереметевы, Муравьевы) в России, несмотря на все старания Петра I. Считалось несправедливым обижать младших членов семьи ради старшего. В крестьянских семьях в выигрыше оказывались семьи, где рождались преимущественно мальчики, т.к. раздел земли проходил по количеству мужчин в семье, но и здесь ограниченность земли имела своим исходом все большее ее дробление на все меньшие участки, что вызывало т.н. «земельный голод».

Многодетность – такая ли панацея, особенно, если учесть, что в ней изначально содержится зародыш многих проблем, прежде всего для самой семьи. Обычная семья автоматически беднеет с рождением каждого следующего ребенка, лишается (особенно женщина) многих преимуществ, несмотря на всевозможные паллиативы.

В этой связи показательна переориентация взглядов РПЦ на семейные и брачные отношения в русле, более отвечающего нынешней государственной политике, хоть отчасти и идущего вразрез со

святоотеческой традицией. Пример этого можно наблюдать в том, что нынешняя РПЦ выступает за семейные ценности, деторождение и многочадие, хотя, в отличие от иудаизма и ислама (с их «плодитесь и размножайтесь») христианство изначально сформировалось как преимущественно идеология монашеского, безбрачного и бездетного образа жизни. Эту идеология отвечает духу православной церкви еще в начале XX века, когда не было ни одного слоя населения, среди которого было бы актуально защищать ценность многочадия. И не в силу естественной склонности российских семей к многодетности, а из-за отсутствия эффективных средств для ограничения рождаемости. Именно в эпоху, когда не приходилось уговаривать рожать детей побольше, т.к. рождаемость и так чуть ли не совпадала с фертильностью, православное духовенство (особенно, конечно, черное) считало нужным постоянно напоминать завет апостола Павла о том, что брак – лишь лучшее из зол, лишь снисхождение к слабости человеческой природы, допустимое как средство борьбы против похоти и разжигания. В этом смысле брак признается как дело хорошее, но лучшее – это все-таки воздержание.

Недаром в этот период известному философу и публицисту В.В. Розанову приходится употреблять весь свой талант полемиста, чтобы защищать от духовенства с его пиететом воздержания и «девственных браков» (среди здоровых молодых людей!) свою идефикс о нормальности, природности и даже благословенности материнства, многодетности и супружеской сексуальности. И хотя он защищал отнюдь не внебрачные, извращенные формы сексуальных отношений, однако его высказывания воспринимались в штыки. Они не противоречили государственным законам и моральным установлениям того времени, но шли в разрез с монашеским уклоном церковной идеологии. Сейчас же можно наблюдать противоположную тенденцию: если послушать проповеди современных священников, то можно подумать, что свои доводы в защиту материнства и

многодетности они взяли из трудов В.В.Розанова, а апостол Павел, хоть и он писал и для паствы, оставлен на потребу исключительно монашествующей части духовенства, крайне малочисленной. Впрочем, подобная позиция церкви, хоть и не соответствует ее многовековым установлениям, вполне оправдана: когда еще утверждать семейные ценности, если не в период их упадка, обосновывать материнство как главное предназначение женщины, если не тогда, когда у женщин появились и иные обязанности, превозносить ценность многочадия, если не в эпоху, когда контрацептивы и медицина спасают от необходимости рожать много в надежде, что кто-нибудь да выживет.

Современный детоцентризм является довольно молодым явлением и одной из причин его появления можно считать как раз развитие современных средств и методов планирования семьи, приведших к распространению малодетных форм семей. Изначально, еще с первобытного общества, для человечества было характерно двойственное отношение к детям, зависящее от дефицита средств к существованию, что приводило к инфантициду (убийство детей). В благоприятных же условиях, ценность жизни детей возрастала, если, конечно, речь не шла о физически и психически убогих детях. В античности было закреплено отношение к детям как к собственности, право распоряжаться которой было отдано на усмотрение отца – патриарха. «Право распоряжаться жизнью ребенка было отобрано у родителей только в конце IV в. н. э. Умерщвление детей стало рассматриваться законом как убийство. После Везонского собора (442 г.) о нахождении брошенного ребенка следовало заявлять церкви. А около 787 г. Датео из Милана открыл приют для брошенных детей. Тем не менее, это не означало, что в обществе формируется ценность детства, а за ребенком закрепляется право на жизнь и любовь» [1, с.112].

Считается, что «Целый ряд причин затруднял формирование устойчивого позитивного отношения к детям... Среди них: высокая

рождаемость и высокая смертность. В результате плохого и небрежного ухода в XVII — XVIII вв. в странах Западной Европы умирали от 1-5 до 1-3 всех новорожденных, а до 20 лет доживало меньше половины. Фатализм и смирение в этих условиях были естественны, а холодность, с которой родители относились к смерти своих детей, была проявлением психологической защиты, реакцией на то, что случалось слишком часто» [1, с.112]. Однако, естественная смертность не всегда корректировала количество детей в нужную для родителей сторону. И здесь на подмогу приходила «искусственная» смертность, отличающаяся от вышеописанного инфантицида тем, что на смену явному детоубийству пришло тайное, заодно оттачивалась практика искусственных выкидышей. Также обычным делом стало подкидывание матерью своего ребенка.

Церковь, а вместе с ней и государство отобрали право родителей распоряжаться жизнью своих детей (не только взрослых, но и новорожденных) не столько по каким-либо гуманистическим основаниям, сколько в русле усиления их власти над душой и телом человека. Отныне из сферы самоуправления индивида было выведено не только право распоряжаться жизнью своего порождения (ребенка), но и своей собственной жизнью. Отсюда демонстративные казни над самоубийцами. Можно сказать, что светские и духовные власти защищали не право человека (в т.ч. новорожденного) на свою жизнь, а напротив, свое право распоряжаться его жизнью, так что даже смерть оказывается прерогативой исключительно государства как суверена.

Отсюда следующий парадокс: утверждение детоцентристской ориентации в общественном сознании сопровождается дискуссиями о праве женщин распоряжаться своим телом, прежде всего – делать аборты. Однако, нет ничего удивительного в том, что внедрение (уже не столько под страхом ответственности перед государством) в сознание мысли о ценности жизни уже рожденных и необходимости любить их сочетается с представлением о

правомочности родителей самим решать судьбу еще не рожденных. В этом проявляется самовосприятие индивида себя как гражданина, с собственной автономной волей и свободой распоряжаться собой, а не подданного, всецело принадлежащего государству и ценного лишь своей пользой данному государству. Появление же представлений у взрослых людей о своей самоценности как уникальной личности, исключительной в силу своей неповторимости, идет одновременно с перенесением подобных представлений и на новорожденных, что не противоречит неопределенности статуса еще не рожденных.

Данная неопределенность чревата двумя крайними позициями. В первом случае эмбрион рассматривается в качестве автономного (не в физическом смысле, т.к. вне материнского тела он еще нежизнеспособен, а в идеологически-правовом) человеческого существа, обладающего, как и любой человек, безусловным правом на жизнь. Крайнее проявление такой позиции можно наблюдать, например, в иудаизме с его специфическим отношением даже не к эмбрионам или оплодотворенным яйцеклеткам, а к мужскому семени, носителя которого обязывают тратить его исключительно для зачатия. Отсюда негативное отношение к онанизму, поллюциям и даже к половому воздержанию. Такое отношение к клеткам чуть ли не как к рожденным детям, притом, к клеткам, которые только в потенциале (и то не сами по себе) могут стать будущими детьми, в современную эпоху воспринимается каким-то анахронизмом. В христианстве тоже можно найти требование рожать всех, кто зачинается, но, в отличие от иудаизма, где нужно не только рожать всех зачатых, но и зачинать при любой физиологической способности к зачатию, предоставляется альтернатива – девство, воздержание и безбрачие. Конечно, это выход не для всех, но все же возможность уйти от судьбы откровенной свиноматки или племенного быка.

Вторая крайняя позиция, наоборот, отрицает у зародыша какую-либо ценность, и право на жизнь у него всецело зависит от решения матери.

Крайним проявлением данной позиции является неизжитое у иных женщин отношение к своему плоду и даже новорожденному ребенку не как к живому существу или хотя бы как к части своего тела, а как к некому выделению из этого тела. Отсюда и недоумение у них: если зачинали, вынашивали и рожали своего ребенка они сами, без участия государства, то по какому праву государство начинает предъявлять какие-либо претензии к ним, когда они ненадлежаще (с точки зрения государства) поступают со своим порождением. В конце концов, никто не вмешивается в иные физиологические процессы. Секс же такой же физиологический процесс как дыхание, питание, дефекация и т.п., с той лишь разницей, что требует участия двух людей. Примеры следствий подобных рассуждений (зачастую бессознательных, т.к. мало кто из таких женщин обременяет себя логическими построениями) мы можем читать в новостях об очередных выкинутых на помойку, замороженных в морозилке, закопанных младенцах. Поэтому и приходится вводить «бэби-боксы», по сути возрождая, несмотря на всю неоднозначность данной практики, дореволюционные «воспитательные дома».

Тем не менее, борьба за право на аборт (как частный случай – право на контрацепцию) – это борьба с двумя вышеописанными позициями, крайними оттого что доведены до абсурда. Абсурд же возникает из-за нежелания считаться с реальностью, с множеством ее конкретных проявлений, зачастую выходящих за прописанные рамки. И эти крайности не противоречат друг другу: без первой крайней позиции, когда рождаемость выходит на уровень фертильности, не требовалась бы и вторая крайняя позиция, искусственной смертностью детей коррелирующая их избыток, неподъемный и тягостный и для тех матерей, которые отнюдь не склоны воспринимать своих детей как ненужные отбросы своего организма. В конце концов, далеко не все способны придерживаться предложенной православием альтернативы излишнему деторождению: безбрачием и воздержанием. Недаром в

воспитательные дома, изначально предназначенные для незаконнорожденных, очень часто подбрасывали и законных детей, которых просто не на что было растить. Столь же характерно и крайне снисходительное на наш современный взгляд отношение присяжных заседателей дореволюционных судов к матерям-детоубийцам из низших сословий: несмотря на то, что свою вину они не отрицали, их обычно оправдывали, принимая во внимание, что рождение детей серьезно усугубляло их положение. В наше время никакой суд при всех смягчающих обстоятельствах не оставит без последствий для матери убийство ею своего новорожденного, правда наказание в этом случае все же обычно предусматривается не столь серьезное как за убийство людей постарше (к великой злобе мужчин, возмущающихся такой несправедливостью). Видимо, в наши дни суд принимает во внимание тот факт, что у современных женщин существенно больше возможностей не доводить дело до крайностей, чем у их дореволюционных сестер по несчастью.

Недаром, в современную эпоху распространена более гибкая т.н. «градуалистская» позиция, по которой «ценность эмбриона значительна, но не абсолютна. Права эмбриона усиливаются и расширяются по мере его развития и вполне могут перевешиваться другими правами и интересами, например, соображениями здоровья матери» [2, с. 127]. Именно появление этой «градуалистской» позиции спасает от крайностей, заложенных в первых двух позициях. В первой абсолютизируется ценность эмбриона (даже еще не оплодотворенной половой клетки), вплоть до запрета на аборт даже при его дефективности, так что его право на жизнь начинает вступать в противоречие с его же правом на качество этой жизни (не говоря уже о правах его родителей). Ее также называют «абсолютистской», т.к. она «основывается на абсолютной ценности человеческого эмбриона на всех этапах развития. В основе лежит факт уникальности заложенной генетической программы жизни в эмбрионе, его «отдельность» от матери» [3]. Вторая же позиция,

иначе называемая либеральной, нивелирует какую-либо ценность эмбриона, обосновывая это тем, что «эмбрион на любой стадии не может быть определен как личность, у него нет самосознания» [3].

Между этими крайними позициями выделяют градации, отражающие индивидуальные и юридические нормы и границы участия и вмешательства во внутриутробное развитие в зависимости от срока и особенностей протекания беременности: от момента зачатия до рождения, что актуализирует проблему юридического статуса не только плода или эмбриона, но и недоношенных. Речь идет об градуалистской или «умеренной» позиции, которая «связывает возникновение у эмбриона (и плода – О.Г.) права на жизнь с определенным уровнем развития или достижением жизнеспособности. Но и здесь нет единомыслия. Варианты – с 14 дня, с 4-6 недели беременности, с 6-8 недель, с 28 недели, с 30-й недели» [3]. Такое разногласие имеет своим следствием оправдание вмешательства во внутриутробную жизнь разной направленности: как ради ее сохранения любой ценой, так и ради ее уничтожения, что в свою очередь может иметь свои крайности. Отсюда и спасение недоношенных детей, отсюда же и аборт на поздних сроках. И то и другое явления крайне неоднозначны не только с этической точки зрения, но и по своим медицинским и социальным последствиям. Если, конечно, речь идет не о поздних абортах по медицинским показаниям (хотя противники абортов вообще редко задумываются о таких уточнениях) и не о выхаживании родившихся на 7-8 месяце беременности младенцев, которые в большинстве своем со временем догоняют в своем развитии доношенных сверстников.

Значительно более дискуссионной в нашем обществе является проблема выхаживания детей с экстремально низкой массой тела, актуализировавшаяся после присоединения России к стандартам ВОЗ, согласно которым 500-граммовый плод, родившийся на 22 неделе беременности, должен считаться не выкидышем (как раньше), а подлежащем

обязательной реанимации новорожденным. Хотя, по признанию самих врачей, «новорожденные с экстремально низкой массой тела действительно имеют высочайший риск развития патологических состояний, которые в большом проценте случаев заканчиваются развитием инвалидизирующих состояний и требуют особого ухода и социальной защиты» [4].

И здесь вышеописанные полярные позиции насчет ценности внутриутробной жизни эмбриона воспроизводятся и в отношении к ценности внеутробной жизни, но с куда большим накалом страстей. Сторонники абсолютистской позиции полагают, что если есть возможность спасти, то нельзя ею пренебрегать, т.к. жизнь цена сама по себе и люди не боги, чтобы решать, кому жить, кому умирать. В конце концов, мы живем не в Спарте и не в нацистской Германии. В ответ их противники предлагают им самим взяться годами, а то и десятилетиями поддерживать существование тех неполноценных существ, право на жизнь которых они столь рьяно защищают, притом без особой надежды на улучшение. Ведь хотя современные медицинские технологии позволяют вдохнуть жизнь и в таких детей, но, к сожалению, они не настолько развиты, чтобы гарантировать полноценность этой жизни. Видят цинизм в дорогостоящих вложениях на поддержания жизнеспособности таких детей, когда так мало делается для сохранения здоровья у относительно здоровых детей. В лагере сторонников умеренной позиции необходимость реанимационных действий к детям с экстремально низкой массой тела доказывают, как некоторым (хоть и небольшим) процентом вполне благоприятного прогноза для почти полноценного существования, так и более прагматическими доводами. Прежде всего, перед нами научный эксперимент на живом материале, нужный для поисков и отработки методов выхаживания маловесных детей, что позволит значительно снизить потери среди более «полновесных» новорожденных. Однако, какой бы из трех позиций не придерживались участники этого бесконечного спора, думается, что никто из них не желал бы

быть на месте родителей обсуждаемых ими детей и в реальной жизни (а не на просторах Интернета) стоять перед настоящим выбором.

Проблема заключается в том, что приоритет поставлен исключительно на количественных значениях, качественный же состав населения, не менее важный для демографической ситуации, оказывается за бортом. Но стоит ли втягиваться в гонку «кто кого перерождает»? Соперничать в количественных показателях народонаселения с нашими азиатскими соседями, тем же Китаем, невозможно, да и чревато многими проблемами.

В конечном счете, стоимость любой ценности тем больше, чем она дефицитнее. Это положение справедливо и относительно детей, чья ценность абсолютизируется в современной российской и западной культуре. Ребенок становится поистине «дорогим» как в буквальном (материальном), так и в социально-символическом смысле. Ребенок рождается не «для родителей», как в традиционном обществе (в качестве поддержки в старости), он значим сам по себе, самоценен и тем самым оказывается не необходимостью, а роскошью, некой избыточной ценностью, которой обзаводятся при наличии всех остальных, более насущных для наличной жизни ценностей. Дети «дороги» и потому дефицитны, дети дефицитны и потому – дороги.

Таким образом, приходится констатировать «парадоксальный вывод: западное общество (можно отнести и к российскому – О.Г.), создавшее высокие стандарты ценностей человеческой жизни, может их поддерживать только за счет обществ, в которых ценность этой жизни невелика, зато самих «жизней» – в избытке» [5, с.73].

Литература

1. Соколов А.А. Историкографический анализ типов воспитания в семье / А.А. Соколов, Ю.А. Токарева // Семья и будущее России: Материалы международной научно-практической конференции (3-4 февраля 2004 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2004.

2. Резниченко Л.А. Долгий спор о защите эмбрионов / Л.А. Резниченко // Человек. 2011. № 3.
3. Морозова Т. Есть ли права у замороженных эмбрионов? / Т. Морозова // Мой район. 8 августа 2013 г. СПб. Режим доступа: <http://www.mr7.ru/articles/88842/>
4. Лебедев С. Выхаживание детей от 500-граммов. Первые результаты / С. Лебедев // Пробирка. Информационный портал по проблемам бесплодия, вспомогательных репродуктивных технологий и ЭКО. 17 июня 2013 г. Режим доступа: <http://www.probirka.org/zhenskoe-besplodie/4997-vichazhivanie-detey-ot-500-grammov-pervie-rezultati.html>
5. Круглова Т.А. Ценность человеческой жизни в современном мире: зачем нужны дети? / Т.А. Круглова // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (5-6 апреля 2007 г., Екатеринбург): Доклады: в 2 т. Т.1. Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2007.

Дулина Н.В., Парамонова В.А.,
г. Волгоград

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Город – это искусственно созданное человеком жизненное пространство, а значит, оно может и должно учитывать потребности всех, проживающих в нем. «Традиционный» город формировался как каменные джунгли, исключив из себя слабых и больных. Взгляд на город сквозь призму метафоры «каменные джунгли» концентрирует внимание на чертах города, которые таят потенциальную угрозу. В «джунглях» города разнообразные